

КОЕ ЧТО О ГРАМОТНОСТИ ВЪ ВОЙСКАХЪ.

Вопросъ о развитіи грамотности въ массѣ русскихъ войскъ въ настоящее время занимаетъ важное мѣсто въ нашей военной литературѣ.

Во 2 и 3 нумерахъ «Военнаго Сборника» 1858 г. были помѣщены статьи, касающіяся этого предмета: во 2 № напечатана статья Г. М. «*О пользѣ обученія грамотности всей массы русскихъ войскъ*»; въ 3 № «*Объ устройствѣ школъ, для распространенія грамотности въ войскахъ*», г. Г***.

Мы совершенно согласны съ мыслями авторовъ о пользѣ грамотности, но не можемъ сказать того же о средствахъ, предложенныхъ для достиженія вышесказанной цѣли.

Г. М., въ началѣ своей статьи, говоритъ: «Въ каждой ротѣ и въ каждомъ эскадронѣ, не говоря о батареѣ, найдется не менѣе одной десятой части нижнихъ чиновъ, умѣющихъ читать и писать; они на первый разъ могутъ быть учителями. Принявъ систему взаимнаго обученія, объяснивъ солдатамъ, какую пользу они могутъ извлечь изъ знанія грамоты, какъ во время своей службы, такъ и по выходѣ въ безсрочный отпускъ и въ отстав-

«ку, раздѣливъ роту или эскадронъ на десятки, поручивъ эти «десятки умѣющимъ читать, и предоставивъ десяточнымъ учителямъ нѣкоторыя льготы, можно въ одну зиму, то есть въ періодъ наименьшей дѣятельности войскъ, положить этому всема полезному дѣлу прочное основаніе.»

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Разберемъ въ послѣдовательности мысли автора: въ помянутыхъ имъ частяхъ войскъ, не только не всегда имѣется десятая доля людей грамотныхъ, но въ ротѣ иногда всего на всего только два грамотѣя, и то часто самыхъ жалкихъ. Одинъ—ротный писарь, ведущій книги, а другой—фронтной солдатикъ, выписывающій приказы. Попробуйте когда нибудь взглянуть на письменныя произведенія этихъ лицъ, и вы съ трудомъ разберете ихъ караули; и хорошо еще если разберете. Часто бываетъ, что самъ писака не въ состояніи разобрать своего произведенія.

Если кромѣ этихъ двухъ представителей ротной грамотности, годныхъ съ грѣхомъ пополамъ для домашняго обихода, найдутся еще и другіе имъ подобныя, то они рѣдко остаются безъ дѣла. Въ ротѣ нужны: каптенармусъ, его помощникъ (изъ унтеръ-офицеровъ), артельщикъ, ефрейтора, капральные и десяточные. Во всѣ эти должности назначаются или выбираются преимущественно грамотные. Первые трое имѣютъ такъ много присвоенныхъ имъ должностямъ занятій, что совершенно не въ состояніи быть наставниками своихъ безграмотныхъ товарищей. Капральные ефрейторы (числомъ четыре) и десяточные, которыхъ (полагая въ ротѣ 160 человекъ) шестнадцать,—хотя и могутъ быть помощниками офицера въ дѣлѣ обученія грамоты, но и они также имѣютъ нѣкоторыя обязанности, отнимающія у нихъ не мало времени.

Даже соглашаясь съ Г. М. въ томъ, что грамотные составляютъ 10%, выйдетъ на повѣрку, что всѣ они будутъ заняты своими должностями. Наконецъ, всѣ эти грамотѣя, если они только находятся на лицѣ, учились большею частью самоучкою, и едва ли въ состояніи будутъ передать другимъ свои познанія; ихъ учительскіе приемы болѣе, нежели неудовлетворительны; отъ нихъ нельзя ожидать снисходительности и терпѣнія въ обращеніи съ ученикомъ, что составляетъ первое условіе всякаго обученія.

И такъ, предположеніе Г. М., что эти грамотные люди, на первый разъ могутъ быть учителями, не совсѣмъ-то удобно примѣняется на дѣлѣ.

Далѣе Г. М. говоритъ, что «для успѣха необходимо живѣйшее участіе начальниковъ отдѣльныхъ частей и дѣятельный трудъ офицеровъ.»

Предѣлъ дѣятельности офицеровъ авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «офицеръ, по крайней мѣрѣ однажды въ мѣсяцъ, долженъ испытывать успѣхи ввѣренныхъ ему чиновъ.»

По нашему мнѣнію, дѣятельный трудъ офицера, выразившійся ежемѣсячною повѣркою обучающихся, недостаточенъ въ настоящемъ случаѣ. Въ своемъ мѣстѣ, мы постараемся показать, въ чемъ, по нашему мнѣнію, долженъ состоять этотъ дѣйствительно дѣятельный трудъ офицера.

Г***, авторъ статьи «Объ устройствѣ школъ для распространенія грамотности въ войскахъ», предлагаетъ свой порядокъ преподаванія.

Курсъ образованія солдата онъ дѣлитъ на два отдѣла; вотъ подлинныя его слова: «въ ротахъ и эскадронахъ должно быть одно обученіе чтенію; въ баталіонной школѣ (въ пѣхотѣ) и въ полковой (въ кавалеріи) обученіе письму и изложеніе нѣкоторыхъ самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній.»

Не знаемъ, на какомъ именно основаніи авторъ избралъ этотъ порядокъ преподаванія. Объ устройствѣ школъ перваго рода, авторъ говоритъ слѣдующее:

«Въ каждой ротѣ долженъ быть выбранъ офицеръ, которому поручается обучать всѣхъ неграмотныхъ чтенію. Вѣроятно всегда отыщется желающій; но еслибы такого не нашлось, то назначеніе должно зависѣть отъ баталіоннаго командира. Офицеръ, обучающій чтенію въ ротахъ, долженъ быть освобожденъ отъ нѣкоторыхъ другихъ служебныхъ обязанностей: при большомъ числѣ наличныхъ офицеровъ въ гвардейской пѣхотѣ, это не будетъ для другихъ обременительно. Но впрочемъ облегченіе должно быть въ такой мѣрѣ, чтобы служебная дѣятельность этого офицера не представляла менѣе труда и занятій, чѣмъ дѣятельность его товарищей. Офицеры-преподаватели обучаютъ

«солдатъ въ свободное отъ службы время, при помощи грамотныхъ людей, учениковъ баталіонной школы. Не назначая часовъ для занятій, они являются въ роты, призываютъ къ себѣ тѣхъ изъ неграмотныхъ солдатъ, которые свободны отъ службы, и учатъ ихъ. Занятія эти не должны быть утомительны и никакъ не отнимать у солдатъ времени, предназначеннаго для отдыха. Однимъ изъ главныхъ ручательствъ за успѣхъ будетъ, если преподаватель станетъ соразмѣрять время занятій, не съ собственнымъ свободнымъ временемъ, а съ свободнымъ временемъ солдатъ. Полезно, чтобы не проходило дня (кромѣ праздничныхъ и тѣхъ, когда бываютъ особые смотры), въ которой бы офицеръ—преподаватель не побывалъ въ ротѣ и хоть недолго, но занимался съ своими учениками. При такихъ непрерывныхъ занятіяхъ, онъ совершенно ознакомится съ ихъ способностями, сроднится съ ними, узнаетъ, какая особенная споровка нужна для обученія каждаго, и приобрѣтетъ много опытности и умѣнія.» (Страницы 192—193).

Мы несогласны съ авторомъ въ томъ, что онъ говоритъ о выборѣ офицеровъ, несогласны съ патріархальнымъ способомъ сбора учениковъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ котораго будетъ то, что никто ничему не выучится. Наконецъ, почему офицеръ можетъ знать, когда настанетъ тотъ блаженный часъ, въ теченіе котораго люди будутъ вполне свободны; что не будетъ никакой пригонки, никакого расчета?

Авторъ желаетъ, чтобы занятія не отнимали у солдата времени для отдыха, но, не назначивъ часовъ для занятій, онъ противорѣчитъ тѣмъ самому себѣ; потому что такая неопредѣленность прямо даетъ офицеру право располагать по своему произволу свободнымъ временемъ солдатъ.

Къ каждому изъ этихъ вопросовъ мы воротимся еще впоследствии, и тогда выскажемъ подробно свой взглядъ на нихъ.

Что касается учрежденія баталіонныхъ школъ по предложенію г. Г***, то мы думаемъ, что если всякую ротную школу обратить въ такую же, какую предлагаетъ авторъ учредить въ баталіонѣ, то послѣднихъ совершенно не нужно. Да и къ чему ограничивать число учениковъ учрежденіемъ баталіонной школы? Развѣ развитіе нужно только унтеръ-офицерамъ, или тѣмъ, которые приготавливаются быть ими?

По нашему мнѣнію, прежде всего нужно имѣть въ полкахъ такихъ офицеровъ, которые, сознавая пользу дѣла обученія солдатъ, были бы вполне къ нему способны. Согласно съ словами г. Г***, который говоритъ: «Главное качество офицера, обучающаго солдатъ грамотѣ, должно быть терпѣніе. Это до такой степени важно, что еслибы намъ дано было право выбора между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ владѣетъ способностью «отлично объяснять свой предметъ, но вспыльчивъ, легко выходитъ изъ себя, другой же объясняетъ плохо, несовсѣмъ понятно, но всегда ласковъ съ своими учениками, никогда не возвыситъ голоса, повторяетъ свое объясненіе какое угодно число разъ, мы, не колеблясь, выбрали бы послѣдняго; потому что, какъ бы хорошо ни было объясненіе, но если учитель хоть разъ возвыситъ голосъ, прикрикнетъ на солдатъ, все-таки оно будетъ непонятно». (№ 3 «Военнаго Сборника», страница 204).

Хорошихъ офицеровъ, способныхъ быть преподавателями, найти въ настоящее время не такъ легко, какъ это кажется съ перваго раза. Въ самомъ дѣлѣ, кому охота взять на себя обузу возиться съ солдатами, которые бываютъ иногда очень непонятливы, и въ тоже время, всѣ обязанности службы нести наравнѣ съ прочими офицерами. Все это безъ малѣйшаго матеріальнаго вознагражденія. Много ли найдется такихъ безкорыстныхъ характеровъ, которые довольствовались бы сознаниемъ, что добросовѣстно исполняютъ свой долгъ.

Въ настоящемъ случаѣ существуетъ два исходныхъ пункта: намъ кажется, что офицера, предназначаемаго для обученія солдатъ грамотѣ, нужно или *освободить отъ большей части прочихъ служебныхъ обязанностей*, или *опредѣлить ему нѣкоторое денежное вознагражденіе*.

Первая мѣра можетъ имѣть мѣсто въ случаѣ расположенія войскъ на тѣсныхъ квартирахъ, во время лѣтнихъ сборовъ, или въ казармахъ. При расположеніи частей войскъ въ городахъ, фронтowychъ занятій вообще больше, и освобожденіе офицера отъ дежурствъ и одиночныхъ, шереножныхъ и даже ротныхъ ученій, будетъ для него значительнымъ облегченіемъ.

Освободить такого офицера отъ карауловъ не слѣдуетъ, напротивъ того, его нужно нарядать, но только съ тою же частію,

съ которою онъ заппмается грамотою. Въ такомъ случаѣ, караульный офицеръ не будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать урочнаго часа смѣны, не будетъ съ отвращеніемъ смотрѣть на сѣрыя стѣны и дырявыя окна караульнаго дома; словомъ, не будетъ сучать своею обязанностью. Солдаты также не будутъ безъ цѣли убивать время, сидя или лежа на жесткихъ лавкахъ и съ неудовольствіемъ ожидая очереди на часы. Какъ тотъ, такъ и другіе, будутъ заняты дѣломъ.

Освобожденіе офицера отъ нѣкоторыхъ строевыхъ обязанностей не можетъ быть обременительнымъ для прочихъ, потому что теперь еще во многихъ полкахъ число офицеровъ выше списочнаго комплекта; а наконецъ весьма ничтожное обремененіе, которое могло бы отъ того произойти, ничего незначить, относительно той пользы, которую принесутъ спеціальныя занятія офицеровъ, завѣдывающихъ грамотными.

Второе изъ предложенныхъ нами средствъ для поощренія офицеровъ, то есть *денежное вознагражденіе*, можетъ проявляться въ двухъ видахъ: единовременныя денежныя награды и постоянная плата за уроки.

Единовременныя денежныя награды могутъ быть назначаемы начальниками дивизій, во время инспекторскихъ смотровъ, по представленію полковыхъ командировъ, отъ двухъ третей годоваго жалованія и выше, смотря по заслугамъ офицера.

Гораздо предпочтительнѣе, кажется намъ, вторая мѣра, именно введеніе опредѣленнаго денежнаго вознагражденія.

Армейскому офицеру много не надо. Онъ не избалованъ средствами; содержанія его едва ли хватаетъ ему на прожитіе и съ грѣхомъ пополамъ на одежду. Мы думаемъ, что по нуждѣ можно ограничиться прибавкою къ обыкновенному окладу жалованья порціонныхъ денегъ, назначаемыхъ за содержаніе карауловъ (по $28\frac{1}{2}$ копѣекъ серебромъ въ сутки), около 8 руб. 50 коп. серебр. въ мѣсяцъ. И сверхъ того, такъ какъ части роты не всегда расположены въ одномъ селеніи, то было бы очень полезно отпускать каждому изъ подобныхъ офицеровъ фуражъ, на равнѣ съ баталіонными адъютантами, на одну лошадь; а самую лошадь позволять брать у полковыхъ командировъ, изъ числа фурштатскихъ.

Не самую лучшею мѣрою, намъ кажется, соединеніе обѣихъ системъ вмѣстѣ. Тогда офицеръ, имѣя определенное вознагражденіе за свои труды, можетъ ожидать въ случаѣ успѣха обученія еще и особой награды.

Теперь приступимъ къ самому дѣлу. Положимъ, что въ полку существуютъ условія, самыя неблагопріятныя для развитія грамотности, то есть еще не заведено никакихъ школъ, и совершенно нѣтъ грамотныхъ.

Всѣ полки состоятъ нынѣ изъ людей двухъ сроковъ службы: старыхъ солдатъ и новобранцевъ.

Люди старшихъ сроковъ подбираются въ ряды первыхъ ротъ баталіоновъ.

Самые лучшіе люди, молодые и понятливые, находятся преимущественно въ стрѣлковыхъ ротахъ. Начать обученіе при неодинаковой способности людей къ занятіямъ одновременно во всѣхъ ротахъ—неудобно. Обучающіе офицеры не могутъ въ началѣ имѣть достаточной опытности, а полковые командиры такъ хорошо наблюдать за ходомъ обученія.

Всего естественнѣе, намъ кажется, начать обученіе грамотѣ сперва въ стрѣлковыхъ ротахъ. Для обученія въ каждой ротѣ, нужно назначать по особому офицеру. Этотъ офицеръ у себя въ ротѣ, въ отношеніи къ своему занятію, долженъ быть полнымъ хозяиномъ. Начальству же, при изслѣдованіи вопроса объ обученіи солдатъ грамотѣ, слѣдуетъ обратить вниманіе: на средства, которыми можетъ располагать обучающій, способъ набиранія учениковъ и самую методу обученія.

Средства для обученія грамотѣ состоятъ, какъ весьма справедливо замѣтилъ авторъ статьи «Замѣтки командира стрѣлковой роты» (Въ 1 № «Военнаго Сборника» 1858 г.), изъ трехъ необходимыхъ условій: изъ *учебныхъ пособій, помѣщенія и времени.*

Разберемъ каждое изъ нихъ отдѣльно. Издержки на учебныя пособія, если и будутъ довольно значительны, то только на первый разъ: нужно купить азбуки, грифельныя доски, бумаги, перьевъ и чернилъ. Если предположить, что для роты нужно 100 азбукъ, которыя стоятъ отъ 12—15 копѣекъ каждая, то всего

ихъ нужно будетъ купить на сумму отъ 12—15 руб. сереб., а какъ ихъ можно будетъ выписать въ значительномъ количествѣ на цѣлый полкъ, то и еще дешевле. Аспидныхъ досокъ довольно будетъ 20 на роту, по 10 коп.—на 2 рубли. На бумагу, чернила и перья, я не полагаю ничего, потому что въ ротахъ, ежемѣсячно, на письмоводство выводится до 3 руб. сер., а на эту сумму можно купить очень достаточно и бумаги и перьевъ. Стопа простой сѣрой бумаги стоитъ около 1 руб. 60 копѣекъ; бумаги высшаго сорта покупать незачѣмъ.

Количество исписываемой бумаги соразмѣряется съ числомъ пишущихъ и съ количествомъ времени, употребляемымъ на письмо. Пишущій эти строки, изъ собственнаго опыта, заключаетъ, что 100 человекъ, пишущихъ въ день около 2 часовъ, не испишутъ въ мѣсяцъ одной стопы, если только отъ нихъ требовать отчетливости и неторопливости въ письмѣ.

Перьевъ нужно, круглымъ числомъ, на человекъ, по три въ мѣсяцъ, то есть около трехъ-сотъ перьевъ, а какъ сотня стоитъ 20 коп. сер., то всего 60 коп. сер., тогда все-таки для ротныхъ дѣлъ останется 80 к. сер. Ротный писарь никакъ не испишетъ, со всевозможными приказами, приказаніями и списками, трехъ дестей; остальныхъ денегъ съ избыткомъ достанетъ на чернила. Итакъ, по нашему мнѣнію, для пріобрѣтенія учебныхъ пособій на роту нужно единовременно отъ 14—17 руб., и ежемѣсячно по 3 руб. Последняя сумма уже отпускается, а первую можно будетъ взять изъ экономическихъ суммъ самыхъ частей, какъ назначенныхъ на *всѣ предметы, служащіе для пользы нижнихъ чиновъ*. (Приказъ по дѣйствующей арміи 1848 года, № 62).

Мы съ намѣреніемъ довольно много распространились о закупкѣ учебныхъ пособій; найдутся люди, которые непременно будутъ требовать отъ казны значительныхъ денежныхъ пособій.

Второе условіе—помѣщеніе.

Если рота расположена на квартирахъ, то для школы нужно выбрать особую избу. Нѣсколько лавокъ и столовъ, устроенныхъ при помощи полковыхъ средствъ, довершатъ убранство класса. Въ благопріятное время года, избу можно замѣнить какимъ нибудь навѣсомъ, сараемъ и т. п.

Въ казармахъ устроиться гораздо удобнѣе, тамъ для класной можно отвести особую комнату, даже наконецъ вдоль са-

ныхъ казармъ поставить къ окнамъ столы. (Подробнѣе объ этомъ предметѣ будетъ говорено ниже).

Третье условіе—время.

Въ продолженіе квартирнаго расположенія зимою, времени для занятій очень достаточно, люди не обременены службою, и офицеръ можетъ устроиться очень удобнымъ образомъ. Въ казармахъ дѣло иное. Тамъ солдатъ не такъ свободенъ, и при выборѣ времени для занятій надо сообразоваться со многими условіями.

У большей части нашего начальства какой то странный взглядъ на этотъ предметъ: они считаютъ грамоту весьма неважною частью военнаго образованія; если есть какая нибудь возможность сдѣлать фронтовое ученіе, они неприминуть сдѣлать его. Въ этомъ все-таки заключается, еще по мнѣнію многихъ, главная статья солдатскаго образованія. Для солдата, который уже три или четыре года служить, ежедневныя одиночныя и шереножныя ученія бесполезны, даже вредны, какъ всякое бесполезное препровожденіе времени. По нашему мнѣнію, если части стоятъ въ казармахъ, то вполнѣ достаточно сдѣлать въ недѣлю одно или два фронтовыхъ ученія, два или три ученія гимнастики и фехтованія; остальное за тѣмъ время, свободное отъ карауловъ, люди могутъ быть заняты стрѣльбою и обученіемъ грамотѣ.

Пока официальнымъ приказаніемъ начальства не будетъ назначено для занятій грамотою опредѣленное время, въ день по полтора часа, или черезъ день по три часа, до тѣхъ поръ грамотность подвинется очень мало. До тѣхъ поръ, для обученія грамоты у солдатъ нужно будетъ отнимать время, назначенное для отдыха, и занятія эти будутъ для него въ тягость. Пусть лучше уменьшится число часовъ, употребляемое на другія занятія, и увеличится время для полезнаго — стрѣльбы и грамоты.

Перейдемъ къ самой методѣ обученія солдатъ: ясно, что офицеръ, предназначенный для обученія грамотѣ, не можетъ заниматься со всѣми непосредственно. Его дѣло приготовить руководителей и потомъ наблюдать за уснѣхомъ занятій.

Если вообще всякая дѣятельность человѣка требуетъ участія его свободной воли, то это еще болѣе справедливо въ занятіяхъ умственныхъ, а потому ни одинъ учитель не можетъ ничему выучить своего ученика, если послѣдній самъ не хочетъ заниматься. Поэтому, офицеръ, начиная занятія, долженъ прежде всего обра-

тяться къ добровольнымъ охотникамъ изучать грамоту, преимущественно къ унтеръ-офицерамъ. Если таковые найдутся, это хороший залогъ будущихъ успѣховъ; значить, у офицера будутъ помощники, которые, имѣя вліяніе на солдатъ, иногда могутъ замѣнять его. Если таковыхъ унтеръ-офицеровъ не окажется, или если ихъ будетъ мало, то надлежитъ обратиться къ солдатамъ, и выбрать изъ желающихъ самыхъ способныхъ, такъ, чтобы первоначальное число учениковъ состояло изъ 12 до 16 человѣкъ.

По нашему мнѣнію, это число нельзя ограничить; въ противномъ случаѣ, офицеръ не будетъ впослѣдствіи имѣть у себя достаточнаго числа помощниковъ, которыхъ должно приходиться на каждое капральство отъ трехъ до четырехъ человѣкъ. Увеличеніе числа первоначальныхъ учениковъ повело бы за собою слишкомъ усиленные занятія обучающаго офицера и крайне было бы для него обременительно.

Не мѣшаетъ передъ началомъ занятій сказать выбраннымъ ученикамъ нѣсколько словъ о пользѣ для нихъ грамотности вообще и объяснить имъ, что они предназначаются для обученія своихъ товарищей. Вообще, стараться представить имъ это занятіе не столько, какъ служебную обязанность, а какъ дѣло ихъ собственной пользы.

По нашему мнѣнію, всѣ методы, предлагаемыя для обученія грамотѣ, не годятся для солдата; аналитическая система г. Золотова (*) можетъ быть прекрасная сама по себѣ, требуетъ сложной обстановки, и потому въ войскахъ совершенно непримѣнима. Да и самые результаты, которые она дала, вовсе не такъ значительны, если принять въ соображеніе, что ученики ничѣмъ, кромѣ грамоты, не занимались. Обучающіеся выучивали азбуку и склады въ двѣ недѣли. Пишущій эти строки имѣетъ множество примѣровъ, что солдаты, занятые службою, занимаясь по обыкновенной методѣ въ классѣ полтора часа, да одинъ часъ внѣ класса, а слѣдовательно безъ надзора, выучивали азбуку и склады въ три недѣли, а нѣкоторые могли даже кое-какъ читать. Какъ рѣдкій примѣръ, могу представить нѣсколько человѣкъ, которые въ двѣ съ половиной недѣли могли читать, хотя и тихо, но безъ складовъ; нужно было только побужденіе—производство въ унтеръ-офицеры.

(*) № 3 «Военнаго Сборника» 1858 г., статья г. Г***.

Вообще должно сказать, что всѣ системы обученія придуманы для облегченія малолѣтнихъ учениковъ, которые еще не умѣютъ трудиться. Нашъ же солдатъ, если захочетъ приняться за что либо, навѣрное не испугается труда; но за то, безъ доброй воли, съ помощію всѣхъ возможныхъ системъ, его не выучишь ничему.

Касательно самого обученія солдатъ, авторъ статьи «Объ устройствѣ школь» (стр. 163) говоритъ:

«Полезно заставить ученика сперва выучить гласныя буквы, «и при наименованіи согласныхъ держаться постоянно одного и «тогоже окончанія, напримѣръ *е*. Не говорить *ка, ель, емъ, енъ, «ха, ша, ща*, а говорить, *ке, ле, ме*, и т. д. Это значительно об- «легчаетъ память ученика; онъ сбивается съ толку, когда послѣ «постоянныхъ окончаній на *е, бе, ве, ге, де*, ему приходится го- «ворить *ель, ерь,*» и т. д.

По нашему мнѣнію, никакъ не слѣдуетъ объяснять солдату различія между гласными и согласными буквами,—это его затруднитъ, не принеся при началѣ обученія никакой пользы. Объясненія, предлагаемаго г. Г***, что «гласныя имѣютъ звукъ сами по себѣ, а согласныя только вмѣстѣ съ гласными», солдатъ не пойметъ.

Что касается произношенія буквъ на какуюнибудь опредѣленную гласную, напр. на *е*, мы согласны съ авторомъ, что это нѣсколько облегчаетъ память ученика. Намъ случалось замѣчать, что при изученіи азбуки, когда ученикъ плохо еще зналъ, когда его спрашивали буквы въ разбивку, то онъ, вмѣсто *ель*, часто отвѣчалъ *ме*, вмѣсто *еръ* — *ре*. Но примѣнить вышесказанное къ обученію солдатъ, мы считаемъ не совсѣмъ удобнымъ, по ниже-слѣдующимъ причинамъ.

Если вводить новое произношеніе буквъ, то нужно, или вводить его совершенно для всѣхъ, или уже вовсе не вводить; если же позволить произносить буквы всякому какъ онъ хочетъ, то обучающійся будетъ сбиваться, смѣшивать всѣ три способа произношенія буквъ; будетъ говорить *рцы, ме* и *ка; ерь, мыслети* и *ке; емъ, ре* и *како*, и т. д.

Находящіеся въ ротѣ грамотные учились выговаривать буквы по прежнему, ихъ не зачѣмъ переучивать; всякій вновь учащійся обратится къ старымъ грамотнымъ, и они ему покажутъ также, какъ учились сами.

Знакома учениковъ съ азбукою, нужно тщательно избѣгать при этомъ всякой торопливости. Нельзя въ одинъ урокъ заставлять его затверживать болѣе восьми или десяти буквъ, пусть всякій учится самъ.

При этомъ первоначальномъ и самомъ трудномъ обученіи людей, со стороны обучающаго нужно необыкновенное терпѣніе, нужно, чтобы онъ съ любовью, съ сознаниемъ важности своего дѣла приступилъ къ обученію. Необходимо, чтобы учащійся его не боялся, и говорилъ съ нимъ не какъ солдатъ съ офицеромъ, но какъ ученикъ съ паставникомъ. Пусть офицеръ съ кротостію извиняетъ непонятливость ученика, и не затрудняется повторять ему одно и тоже десять разъ.

Люди способные могутъ выучить азбуку въ три или четыре дня; рѣдко кто по истеченіи недѣли не будетъ твердо ее знать. Сначала солдатъ выучиваетъ азбуку по порядку, или какъ они выражаются по ранжиру; слѣдуетъ заставлять выучивать ихъ ее въ разбивку, и показывая имъ на букву, спрашивать, какъ она называется. Выучивъ такимъ образомъ азбуку, нужно приниматься за склады; тутъ дѣло пойдетъ уже гораздо легче: всякую букву отдѣльно солдатъ уже знаетъ, нужно только уяснить ему ихъ произношеніе съ другими буквами.

При обученіи азбуки и складовъ, не нужно торопиться, это основаніе всего будущаго; даже и въ послѣдствіи время отъ времени полезно возвращаться опять къ азбукѣ и складамъ.

Въ каждой азбукѣ послѣ складовъ находятся односложныя и многосложныя слова; при чтеніи ихъ, обучающій долженъ спрашивать у ученика объясненіе ихъ значенія, и если ученикъ не знаетъ, то объяснить самъ, и послѣ спрашивать непременно у каждаго по нѣскольку словъ (то есть ихъ смыслъ)—это значительно развиваетъ и, главное, приучаетъ людей говорить свои мнѣнія. Ошибки нужно принимать снисходительно.

Послѣ чтенія отдѣльныхъ словъ, слѣдуетъ приступать къ чтенію отдѣльныхъ предложеній, но по складамъ, приучая постепенно учениковъ къ тому, чтобы они складывали про себя, а сложенное произносили уже въ слухъ. При такомъ способѣ, переходъ къ чтенію совершенно незамѣтенъ. При обученіи чтенію, солдату необходимо задавать уроки, сообразно съ его силами и временемъ; заданные уроки должны быть записаны въ

спискѣ обучающаго и, по отвѣтѣ, за каждый изъ нихъ ставится обыкновенная отмѣтка или баллъ.

Чтеніе по урокамъ должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока ученикъ не выучится читать довольно хорошо. Обученіе чтенію должно оканчиваться чтеніемъ незнакомой книги безъ уроковъ.

При обученіи чтенію, отъ солдата необходимо требовать слѣдующее: чтобы онъ читалъ какъ можно рѣже, не торопясь; чтобы при чтеніи были соблюдаемы всѣ знаки препинанія, и сообразно смыслу рѣчи повышение и пониженіе голоса (послѣднее особенно трудно); чтобы читающій никогда не повторялъ одного и того же слова два раза, а наконецъ, самое важное, чтобы чтеніе не было однимъ сочетаніемъ буквъ, чтобы ученика не занималъ только одинъ процессъ чтенія, но чтобы онъ вникалъ въ смыслъ прочитаннаго, и всегда могъ бы объяснить то, что читаетъ; послѣднее весьма много способствуетъ къ развитію учащагося и приучить его мыслить и говорить.

Когда солдатъ достаточно хорошо читаетъ, можно приступить къ обученію его письму. Авторъ статьи «*Объ устройствѣ школы въ войскахъ*» говоритъ:

«Непремѣнно надо, чтобы люди начали писать прямо на бумагѣ перомъ; писаніе на аспидной доскѣ или палочкою на пескѣ чрезвычайно портитъ руку, и если ученикъ умѣетъ писать грифелемъ, то это еще не значить, чтобы онъ могъ писать на бумагѣ. Придется ему снова все объяснять и показывать.» (Стр. 198).

Мы совершенно несогласны съ авторомъ. При обученіи письму, преподаватель вообще имѣетъ въ виду — правильное выписываніе буквъ и каллиграфическую ихъ отдѣлку. Чтобы правильно написать букву, нужно внимательно всмотрѣться въ ея очертаніе и воспроизвести ей подобное; но чтобы учащійся зналъ, откуда начать писать буквы, сверху или снизу, съ правой или съ лѣвой стороны, для этого необходимо обучающему написать ее нѣсколько разъ самому, а потомъ заставить ученика копировать ее, наблюдая за правильностью его приемовъ. Для этой части обученія письму, мы предполагаемъ употреблять аспидныя доски. Если, согласно словамъ г. Г***, начинать прямо на бумагѣ, то придется очень много ее испачкать; придется учить въ одно время и правиламъ держанія пера, и выписыванію буквъ;

ученикъ, не умѣя обращаться съ перомъ, безпрестанно будетъ его портить, и проч.

Всѣ эти неудобства, по нашему мнѣнiю, легко устранить съ помощiю аспидной доски. При этомъ надо позволять солдату держать грифель какъ ему хочется, лишь бы соблюдалъ правила относительно самого выписыванiя буквъ.

Вверху доски нужно для примѣра крупнымъ прописнымъ почеркомъ написать три или четыре буквы: пусть ученикъ переписываетъ ихъ на всей доскѣ. Но необходимо заставить его хотя нѣсколько разъ написать каждую букву въ глазахъ обучающаго, чтобы тотъ видѣлъ, правильно ли ученикъ ихъ выписываетъ.

Когда подобнымъ образомъ вся азбука будетъ перебрана, нужно удостовѣриться, помнитъ ли обучающiйся очертанiе буквъ, которыя только что писалъ. Для этого полезно или заставить его написать на память всю азбуку, или диктовать ему буквы.

Когда вышеприведенное испытанiе покажетъ, что ученикъ хорошо усвоилъ себѣ то, что отъ него требуютъ, то можно приступить къ выписыванiю большихъ или заглавныхъ буквъ.

Когда ученикъ умѣетъ порядочно писать прописныя и заглавныя буквы, тогда первая ступень обученiя, то есть *правильное выписыванiе буквъ*, — достигнута. Затѣмъ, наставникъ приступаетъ ко второй, то есть къ *каллиграфической ихъ отдѣлкѣ*.

Тутъ только должно начинаться письмо на бумагѣ.

Письмо на бумагѣ, при которомъ имѣется въ виду каллиграфическая отдѣлка буквъ, должно производиться по принятой для начинающихъ системѣ; то есть, прежде всего приступить къ начертанiю палочекъ и нуликовъ, которые обучающiй выставляетъ въ началѣ каждой строки, и отъ нихъ послѣдовательно переходить къ буквамъ. Не утомляя ученика однообразною видѣлкою одной и той же фигуры, обучающiй долженъ, по возможности, только тогда переходить къ новымъ буквамъ, когда первыя будутъ удовлетворительно исполнены. Послѣ отдѣльныхъ буквъ пишутся наконецъ и цѣлыя предложенiя, сначала по двумъ, а потомъ по одной линейкѣ.

Письмо по одной графѣ должно продолжаться какъ можно долѣе; не нужно рано переходить къ письму безъ линеекъ, — это

сильно портить руку и значительно ослабляетъ пріобрѣтенную правильность въ выписываніи буквъ.

Писать слѣдуетъ какъ можно тише и старательнѣе. Когда ученикъ испишетъ одну тетрадь, преподаватель осматриваетъ ее, и указываетъ обучающемуся замѣченные недостатки. Какъ на самой тетради, такъ и въ своемъ спискѣ, учитель дѣлаетъ отмѣтку, или ставитъ баллы, который и обозначаетъ степень достоинства труда.

Нужно внушить солдату, чтобы онъ, выписывая каждую букву, старался написать ее какъ можно правильнѣе и лучше. Не слѣдуетъ опасаться лѣности, кажется нѣтъ ни одного роста, въ которомъ бы было такъ много прилежанія и охоты къ учебнымъ занятіямъ, какъ отъ 20—25 лѣтъ, а большая часть молодыхъ солдатъ находится въ этомъ возрастѣ. Пишущій эти строки зналъ очень мало лѣнливыхъ солдатъ вообще, а въ особенности касательно обученія грамоты; изъ 100, много, много 5 или 6 неприлежны, прочіе же очень старательны; только умѣйте заохотить.

Сначала надобно обратить вниманіе на каллиграфію, а уже потомъ требовать, чтобы была соблюдена и ороеографія, что весьма трудно неимѣющему передъ глазами примѣра; а между тѣмъ это заставитъ ученика по немногу пріучаться къ правильности въ письмѣ. Когда въ страницѣ, переписанной ученикомъ, много ошибокъ; то полезно заставить его самого провѣрить ошибки по книгѣ. Это облегчитъ трудъ преподавателя, и принесетъ пользу ученику. Впрочемъ, окончательная повѣрка все-таки выпадетъ на долю преподавателя.

Все, что сказано г. Г*** касательно обученія ариѳметики, спраеливо, или по крайней мѣрѣ мы, при настоящей степени нашей опытности, не можемъ возразить ничего противъ положеній автора.

Г. Г*** былъ совершенно правъ, сказавъ, что изученіе нумераціи,—это камень преткновенія для учениковъ. Одинъ изъ извѣстныхъ намъ офицеровъ—преподавателей поступаетъ въ данномъ случаѣ слѣдующимъ образомъ (примѣръ лучше всего объяснить сущность дѣла). Положимъ, что нужно написать 10,830. Преподаватель заставляетъ ученика написать сперва 10,000; потомъ спрашиваетъ его, на какомъ мѣстѣ стоятъ сотни и сколько-

ко ихъ теперь; наконецъ заставляетъ поставить на своемъ мѣстѣ цифру 8. Точно также поступаетъ и съ десятками, и т. д.

Сначала нужно безпрестанно предлагать эти вопросы солдату, потомъ онъ самъ уже будетъ дѣлать замѣненіе, и наконецъ приучится писать какія угодно числа.

Изъ своихъ занятій по этой части, пишущій эти строки можетъ только сказать, что ариѳметика чрезвычайно важна, касательно развитія учениковъ; тѣ изъ нихъ, которые уже занимаются ею, гораздо смѣлѣе прочихъ, и болѣе увѣрены въ самихъ себѣ.

Всѣ предлагаемые нами приемы, хотя выведенные изъ собственнаго опыта, не могутъ считаться неизмѣнными. Опытность каждаго изъ офицеровъ—преподавателей покажетъ ему, что нужно измѣнить изъ вышесказанныхъ правилъ. Мы имѣемъ цѣлью высказать результатъ своихъ занятій, показать тропинку, по которой мы шли, и тѣмъ облегчить путь тому, кто, можетъ быть, еще неопытнѣ насъ.

Все сказанное нами, касательно обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ, должно быть примѣнено къ обученію выбранныхъ унтеръ—офицеровъ и солдатъ. Когда труды офицера въ отношеніи избранныхъ увѣнчаются болѣе или менѣе положительнымъ успѣхомъ, онъ можетъ уже приступить къ обученію грамотѣ прочихъ людей роты.

Для этого, онъ, прежде всего, выбираетъ желающихъ; можно навѣрно сказать, что они составятъ три четверти общаго числа въ той или другой части войскъ. Каждому изъ своихъ помощниковъ, офицеръ поручаетъ по нѣскольку человекъ, преимущественно его же капральства. Съ каждымъ изъ учениковъ офицеръ долженъ предварительно заняться самъ, объяснить ему названіе буквъ; затѣмъ офицеръ наблюдаетъ за толкованіями помощниковъ, и внушаетъ имъ, чтобы они поступали въ этомъ случаѣ такъ, какъ онъ поступалъ прежде съ ними.

Все вышесказанное, какъ касательно системы преподаванія, такъ и обращенія съ учащимися, должно быть приложено въ настоящемъ случаѣ безъ малѣйшаго измѣненія.

Весьма естественно, что нѣкоторые изъ солдатъ будутъ успѣвать болѣе другихъ; по этому, чтобы однихъ не задерживать, а другихъ не торопить, полезно раздѣлить школу на два, или на три разряда,—это, кромѣ удобства преподаванія, дастъ еще ту

выгоду, что переводъ изъ одного разряда въ другой будетъ служить поощреніемъ. Что касается унтеръ-офицеровъ, то обучать ихъ надлежитъ особо, обучающій долженъ заняться ими лично, это будетъ имѣть двоякую цѣль: во-первыхъ, унтеръ-офицеры, люди большею частью пожилые, слѣдовательно имъ труднѣе будетъ что нибудь растолковать, нежели солдатамъ; во-вторыхъ, это поощритъ ихъ самолюбіе, а если есть какая нибудь возможность дѣйствовать на человѣка нравственными путями, то никогда не нужно этимъ пренебрегать.

Все вышесказанное имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда часть на тѣсныхъ квартирахъ, или въ казармахъ; но на зимнихъ квартирахъ большею частью случается такъ, что роты расположены въ нѣсколькихъ деревняхъ, довольно далеко одна отъ другой. Тогда офицеръ разсылаетъ выученныхъ уже людей по капральствамъ, и самъ поочередно объѣзжаетъ деревни, устраивая въ каждой школу въ особо отведенной избѣ. Если деревня такъ мала, что тамъ стоитъ только часть капральства, то и тогда должно стараться, чтобы тамъ былъ хоть одинъ изъ грамотныхъ.

Весьма рѣдко бываетъ, чтобы вся рота была расположена въ одной деревнѣ или селѣ; но еще рѣже можно найти такое строеніе, въ которомъ школа всей роты могла бы помѣститься. Въ такомъ случаѣ, каждый разрядъ можно будетъ помѣщать особо. Когда рота расположена въ нѣсколькихъ селеніяхъ, то обучающій офицеръ, избравъ мѣстомъ своего жительства то изъ нихъ, въ которомъ помѣщается наибольшее число солдатъ, назначаетъ всюду часы занятій. Чтобы видѣть, въ какой степени исполняются его приказанія, ему нужно иногда, безъ предварительнаго о томъ увѣдомленія, внезапно посѣщать то или другое селеніе, чтобы убѣдиться въ соблюденіи его инструкцій.

По нашему мнѣнію, чтобы приготовить себѣ достаточное количество хорошихъ помощниковъ, офицеру нужно заняться съ солдатами четыре или пять мѣсяцевъ. Въ такой срокъ ихъ легко выучить всему, о чемъ сказановыше. Занятія съ выбранными особенно удобно начать во время лѣтнихъ сборовъ, отъ мая до сентября, а въ октябрѣ устроить общія школы, сперва изъ небольшого числа людей, хотя изъ $\frac{1}{3}$ части роты, черезъ мѣсяцъ присоединить сюда другую треть, а въ декабрѣ и всѣхъ остальныхъ, кромѣ тѣхъ стариковъ, которые совершенно отказываются отъ занятій, или тѣхъ, которые занимаются мастерствами; молодые

же солдаты должны учиться всё безъ исключенія. Вся рота, или по крайней мѣрѣ большая ея часть, можетъ выучиться читать — въ полтора мѣсяца; писать на доскѣ—въ три недѣли; на бумагѣ—въ мѣсяцъ или полтора. Такъ что начавшіе въ октябрѣ, къ февралю могутъ уже заниматься ариѳметикою, и ихъ занятія по истеченіи зимы будутъ имѣть желаемые результаты; для нѣкоторыхъ же недостаточно одной зимы, они только въ теченіе двухъ зимъ могутъ пріобрѣсти желаемую степень знанія.

Нельзя однакоже не замѣтить, что эти сроки никакъ не могутъ считаться неизмѣнными; есть множество причинъ, которыя измѣняютъ ихъ; такъ, напримѣръ, при полковомъ штабѣ находится постоянно какая нибудь рота для содержанія карауловъ, часто по двѣ или по три недѣли, а иногда и больше. Тамъ собрано значительное число мастеровыхъ: сапожниковъ, портныхъ, оружейниковъ, кузнецовъ и плотниковъ, которые такъ заняты своимъ дѣломъ, что не могутъ удѣлять времени для изученія грамоты; одни сапожники отпускаются иногда въ роты, прочіе же по цѣлымъ годамъ не бываютъ.

Наконецъ, существуетъ много неудобствъ въ самой обстановкѣ занятій—въ помѣщеніи. По большей части, роты располагаются очень просторно, на 10 или 12 дворовъ по одному солдату; ставить людей чаще, безъ обремененія обывателей, невозможно; а между тѣмъ раскинутое расположеніе препятствуетъ ежедневному сбору людей въ капральныя школы.

Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что двухъ-годичный трудъ офицера непремѣнно долженъ увѣнчаться желаемымъ успѣхомъ; результатомъ этого успѣха должна быть грамотность всей роты. Впрочемъ, почти всё люди уже будутъ значительно подготовлены къ началу зимы втораго года; въ теченіе послѣдней можно будетъ занимать ихъ диктовкою, рѣшеніемъ ариѳметическихъ задачъ, чтеніемъ и объясненіемъ читаннаго.

Говоря о грамотности, скажемъ кстатѣ еще объ одномъ весьма важномъ предметѣ обученія солдатъ. Было бы, напримѣръ, весьма полезно, еслибы во время лѣтнихъ занятій, офицеръ-наставникъ собиралъ своихъ учениковъ раза два въ недѣлю, и читалъ имъ главнѣйшія статьи изъ Свода Военныхъ Постановленій. Все прочитанное должно быть объяснено солдату.

Если офицеръ, по истеченіи двухъ лѣтъ, добросовѣстно окончить свое дѣло, по нашему мнѣнію онъ вполне заслужитъ право

на вниманіе и награду. Такому офицеру не нужно позволять быть безъ дѣла, ему слѣдуетъ тотчасъ дать занятія въ другой ротѣ. Онъ болѣе всякаго другаго имѣетъ опытности, и съ большою пользою будетъ заниматься съ солдатами.

Всякая существенная награда составляетъ двигатель къ заслугамъ. Для полезнаго офицера нѣтъ сроковъ къ награждѣ—нельзя скупиться ею тамъ, гдѣ впереди дѣйствительная польза. А польза отъ распространенія грамотности очевидна и несомнѣнна: грамотный солдатъ скорѣе пойметъ и исполнитъ то, что онъ него требуютъ: сверхъ того, грамотность, какъ знаніе, служитъ обезпеченіемъ его по выходѣ въ отставку. Напримѣръ, почему бы отставному солдату-грамотѣю не сдѣлаться школьнымъ учителемъ въ деревнѣ. Такимъ образомъ, развитіе грамотности въ войскахъ можетъ служить средствомъ къ развитію грамотности въ массѣ сельскаго населенія (*).

До сихъ поръ мы говорили о необходимости поощренія офицерамъ — преподавателямъ за успѣхи ихъ учениковъ, но ни слова не сказали о томъ, каково должно быть мѣрило этихъ успѣховъ, и кто долженъ слѣдить за успѣхами обученія.

Ближайшій надзоръ, по нашему мнѣнію, долженъ лежать на полковомъ командирѣ; если офицеръ не рачительно исполняетъ свои обязанности, полковой командиръ долженъ непремѣнно его смѣнить. Но для успѣха преподаванія, для правильнаго его хода, нуженъ надзоръ особаго уполномоченнаго, болѣе или менѣе свѣдующаго въ этомъ дѣлѣ; таковыми лицами, по нашему мнѣнію, могутъ быть офицеры генеральнаго штаба. Въ каждой дивизіи офицеръ генеральнаго штаба долженъ производить экзаменъ грамотнымъ по предварительномъ соглашеніи съ офицерами—преподавателями; не слѣдуетъ только посѣщенію офицера генеральнаго штаба давать видъ смотра.

Все, что сказано о системѣ преподаванія, выведено авторомъ изъ собственнаго опыта. Думаемъ, что тутъ не будетъ неумѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о результатѣ его первоначальныхъ занятій по этому предмету. Пишущій эти строки занимался обученіемъ грамотѣ команды изъ 120 человекъ. Всѣмъ этимъ людямъ предписано было заниматься гимнастикой, фех-

(* Эта мысль уже высказана была разъ въ 1-мъ № «Военнаго Сборника» 1858 г., въ «Замѣткахъ командира стрѣлковой роты».

тованіемъ, и въ тоже время грамотою. Солдатъ не спрашивали, желаютъ они учиться или нѣтъ; а учили всѣхъ безъ разбору. Въ числѣ учениковъ было человекъ 15 унтеръ-офицеровъ старыхъ сроковъ службы, и человекъ 5 горнистовъ и барабанщиковъ,—всѣ большею частію безграмотные. Изъ числа остальныхъ 100 человекъ, только 35 имѣли кое-какое понятіе о грамотѣ.

Ученіе началось въ концѣ октября, но приняло правильный ходъ только съ ноябрю мѣсяца. Для класса ежедневно назначалось время отъ 8 до 9 часовъ утра; въ 10 солдаты шли на гимнастику; случалось, что занятія начинались прямо съ гимнастики, и тогда уже класса небыло. Классы продолжались довольно регулярно до половины марта мѣсяца, тутъ приближались смотры; ежедневно бывало по 2 фронтовыхъ или гимнастическихъ учений; заниматься грамотою нельзя было болѣе 2 разъ въ недѣлю. Къ 22 апрѣля, команда была распущена по полкамъ. Результаты обученія были слѣдующіе. Вся команда (кромѣ горнистовъ и барабанщиковъ) читала довольно хорошо, съ соблюденіемъ знаковъ препинанія, только не всѣ еще успѣли во время повышать и понижать голосъ. Особенно Чухонцы и Латыши (8 чел.) отстали отъ прочихъ (*). Также слѣдуетъ сказать о двухъ или трехъ старыхъ унтеръ-офицерахъ. Такъ какъ главное вниманіе обращено было на обученіе солдатъ письму, то большая часть изъ нихъ писала порядочно. Человекъ 50 могли писать мелко, въ томъ числѣ человекъ 30 даже подъ диктовку; прочіе или переписывали еще съ книги крупными буквами, или писали заглавныя прописныя буквы; только человекъ 8 не успѣли пойти далѣе первоначальныхъ упражненій. Успѣхи были неравномѣрны, потому что при началѣ занятій, какъ уже было замѣчено, нѣкоторые умѣли кое-какъ читать, а другіе только что начинали азбуку. Нѣкоторые начали обучаться письму съ 5-го ноября, а другіе только съ 1-го марта. Вообще, результатъ былъ довольно удовлетворительный; онъ былъ бы еще удовлетворительнѣе, еслибы этому не препятствовали слѣдующія обстоятельства:

Преподаваніе было раздѣлено между тремя офицерами: одному былъ порученъ большой классъ, 80 человекъ; другому—

(*) Замѣчательно, что какъ трудно выучить Чухонцевъ и Латышей правильно читать, такъ легко выучить ихъ писать; причина очень проста: почти всѣ они, еще до рекрутства, умѣли писать по своему.

малый, 40 человекъ; и наконецъ третьему, въ особенные часы (отъ 2-хъ до 3-хъ пополудни), поручено было преподаваніе ариметики.

Преподаваніе въ большомъ классѣ шло довольно успѣшно; мнѣ удалось устроить классъ въ особенной комнатѣ; подѣланы были столы и лавки, и, что самое главное, всѣ мало-мальски грамотные были взяты сюда; въ малый же классъ, грамотныхъ дано было только четыре (впрочемъ изъ лучшихъ).

Офицеръ, завѣдывающій малымъ классомъ, не пользовался такою обстановкою; у него не было особенной комнаты для класса, и обученіе происходило въ казармѣ, въ которой въ часы, назначаемые для класса, производилась уборка комнатъ.

Ежедневно не доставало въ классахъ до 20 человекъ: вѣстовыхъ, дневальныхъ, рабочихъ на кухнѣ, нѣсколько человекъ мастеровыхъ, сапожниковъ, портныхъ и т. д.

Но главнѣйшій недостатокъ заключался въ неопытности преподавателей, — мы оба только нѣсколько мѣсяцевъ вышли изъ корпуса; не знали еще солдата и совершенно не умѣли приступить къ дѣлу. Весь октябрь я старался ближе познакомиться съ этимъ дѣломъ; я пробовалъ различныя системы, и хотя придумалъ кое-что, но еще ничего не успѣлъ приложить къ дѣлу, — какъ вдругъ пришлось заниматься съ 80 человекъ; я, можно сказать, училъ и учился въ одно время. Такъ какъ мы были съ товарищемъ совершенно независимы одинъ отъ другаго, то могли другъ другу только совѣтовать, какъ поступать, но слѣдовать или не слѣдовать совѣту, это зависѣло отъ убѣжденій каждаго.

Наконецъ ощущался сильный недостатокъ въ мѣрахъ поощренія для учениковъ. Правда, что нѣсколько человекъ были произведены по экзамену въ унтеръ-офицеры, но во время самыхъ занятій это не было приманкою для солдатъ, потому что производство ихъ было имъ объявлено зз три дня до экзамена.

Ариметика дала самые неудовлетворительные результаты, и это понятно, потому что къ обученію ея допущены были только тѣ, кто порядочно читалъ и писалъ, а такіе оказались въ командѣ только въ февралѣ мѣсяцѣ.

Начиная свой трудъ, мы говорили о статьяхъ гг. М. и Г***; оканчивая свое «Кое-что о грамотности», позволимъ себѣ сказать о нихъ еще нѣсколько словъ.

Со многими мыслями автора статьи «Объ устройствѣ школъ» мы совершенно согласны; но все, что говоритъ авторъ, примѣнимо бѣльшею частію только къ гвардіи; у насъ, въ арміи, многое дѣлается не такъ, и къ дѣлу приступить нужно иначе.

Г. М. кончаетъ свою статью одною мыслью, которая отчасти выкупааетъ несостоятельность нѣкоторыхъ другихъ; онъ говоритъ: «Всѣ отрасли устройства войскъ нашихъ стояли бы на гораздо «высшей степени совершенства, еслибы командиры отдѣльных частей не были обременены громадною перепискою, сложною «отчетностью и, въ особенности, хозяйствомъ, поглощающимъ все «ихъ вниманіе».

Истина глубокая!

А. М.